

Лев Дуров, народный артист РСФСР

СЕРДЦЕ РОЛИ И РОЛЬ СЕРДЦА

Думаю, что в искусстве, да и в любом деле, сомнения необходимы. Никогда нельзя считать себя достигшим вершин мастерства. Надо любить и уметь учиться.

Актеру надо остро ощущать суть перемен, чтобы его искусство было всегда необходимым людям.

Однажды в каком-то интервью я высказал мысль, что актерская профессия серьезна и трудна. Ведь бывает еще мнение, что на ней лежит оттенок праздности и красоты. Я отрицал подобное мнение, хотел искренне убедить читателей в обратном. И вот через некоторое время приходит мне письмо. Это было странное послание, необыкновенно злое. В частности, оно содержало такие слова: «Посадить бы вас за баранку БелАЗа, тогда бы вы заговорили о тяжести профессии! Нашли чем кичиться!». И подпись: «Женщина 32 лет, врач».

Если бы я имел возможность ответить (письмо было анонимным, без обратного адреса), то написал бы примерно так: «Женщина? Да нет же. Не может она быть настолько озлобленной, черствой, не теряющей чужих взглядов. Тридцать два года? Нет, все триста. Потому что вы устали жить. Врач? Сколько же неприятностей вы можете причинить людям! Врач должен быть добрым, гуманным».

Но так мне ответить не пришлось. А вскоре один случай как бы невольно нас рассудил. У меня есть три товарища — боцманы. Были они проездом в Москве, пришли в театр ко мне на репетицию. После работы я застал их в глубокой печали: «Легче перенести кругосветную регату со всеми штормами и подводными рифами, чем потрудиться на одной репетиции. Это тяжелое испытание, это изнурительная работа!»

Да, труд актера непрост. Требуется не только психических перегрузок, но и физической выносливости, подготовленности. Может быть, оттого, что я происхожу из рода знаменитых русских циркачей, мне не раз приходилось играть на экране цирковых артистов: клоуна Мульти в картине «34-й скорый», эксцентрика Сан Саныча в телефильме «Не бойся, я с тобой!», директора цирка Стефенсена в киносказке «Пепси Длинныйчулок».

Актерское образование у меня театральное (закончил Школу-студию МХАТа). Дебют на экране и на сцене состоялся одновременно — тридцать лет назад, но судьба в кинематографе и театре складывалась по-разному. В кино начинал небольшой ролью в малоприметной картине «Доброе утро», которая не принесла мне ни славы, ни творческого удовлетворения. Зато сцена свела с ныне широко известным режиссером Анатолием Васильевичем Эфросом. Работал в Центральном детском театре, в Московском театре имени Ленинского комсомола, на Малой Бронной. Закончив Высшие режиссерские курсы, поставил сам ряд спектаклей. В кинематографе «звездный час» пришел ко мне только через семь лет после дебюта, когда М. Ромм пригласил на небольшую, но яркую роль сотрудника Комитета государственной безопасности, охраняющего физиков, — в картине «Девять дней одного года»... С тех пор сыграно на экране почти семьдесят ролей — самых разных.

Кроме работы, у меня нет каких-то увлечений в обычном понимании. Разве что необъяснимая страсть и некоторые способности отыскивать утерянные вещи. Несколько лет назад на пляже в Сочи вижу — плачет женщина: потеряла где-то среди гальки маленький перстень, фамильный. Быстро выяснил, где она загорала... Перстень нашел, отдал. На гастролях в Ленинграде случайно наткнулся в гостинице на огромный бумажник, утерянный иностранным туристом... Отыскал зимой в сугробе важный документ, который выронил один из моих друзей, когда вздумал во дворе поиграть в хоккей с мальчишками... Вот такое у меня хобби, прямо хоть меняй профессию!

Теперь уже сложно об этом говорить, но не стань я актером, думаю — не очень бы переживал. Я родился и до тридцати лет прожил в старом московском районе Лефортово, до сих пор у входа в Лефортовский дворец стоят два тополя, посаженных еще моим отцом. Жили мы большой семьей в тесной и узкой комнате, друзья прозвали ее «танком». Так и говорили: «Пойдем к Дурову в танк!» И, наверное, как большинство моих друзей, отправился бы после школы на завод, стал бы, возможно, неплохим рабочим. Сталеваром. Много раз бывал на сталелитейных предприятиях, и меня всегда завораживал вид расплавленного металла.

Судьба распорядилась иначе. И в своей нынешней профессии, выбрав ее, я уже не сомневался никогда. Бывает другое: нападает вдруг неуверенность в силах и возможностях. Со мной такое случается, когда подходит к концу очередная работа. Помню, перед выпуском спектакля «Женитьба» режиссер на одной из последних репетиций мне говорит: «Это будет твоя неудача!» Я тоже так думал. Но вот спектакль идет уже много лет, и все единодушно утверждают, что капитан Жевакин — одна из лучших моих актерских работ.

Я не страдаю излишним оптимизмом, но утверждаю — загубленных талантов мало, если таково вообще бывает. Яркий пример — Смокуновский. Если вы прочтете книгу его воспоминаний, то увидите, как долго и трудно добивался он признания коллег и режиссеров. Но он не потерялся, работал, как проклятый: небольшие пустяковые роли, которые ему сначала давали, отделял тщательно. Талант себя обязательно проявит.

Сейчас молодые актеры могут поторопиться

свой час — самостоятельно подготовить спектакль, показать себя, доказать свое право на профессию. К сожалению, многие «обиженные» ходят и хнычут, теряя при этом последние остатки умения и способностей. Актер обязан даже свои обиды использовать на дело — гореть желанием переломить неправильное мнение о себе.

Большинство наших артистов театра снимаются в кино. Многие — очень удачно. Но чаще образы, созданные ими на экране, гораздо беднее, чем сыгранные на сцене. Кинематограф, особенно по части драматургии, еще уступает театру. Нередко отказываюсь играть в кино из-за слабых сценариев. И, когда фильм выходит на экран, не жалею, что отказался. Исключением является, пожалуй, лишь роль Саввушкина в картине «Мертвый сезон», сыгранная Роланом Быковым, которую поначалу предлагали мне. Но скажу и другое: настоящую известность актер получает не в театре, а только после участия в популярном фильме.

На сцене мне довелось играть персонажей Мольера, Шекспира, Гоголя, Достоевского... Кинематограф и телевидение такой драматургии мне не предлагают. Более того, даже просто крупные, центральные роли достаются редко. Играю на экране эпизодических персонажей — людей необыкновенных, загадочных, яростных в своих пагубных или возвышенных страстях... Правда, в последних экранных работах — в картинах «Прощание», «Успех» — впервые попытался сменить броский актерский стиль на более бытовое повествование о своих героях.

Среди моих ролей часто встречаются злодеи. Что ж, считаю — неважно, кого играть. Главное — во имя чего? Вот исполнял роль Яго в шекспировском «Отелло». Чему служит наше искусство? Чтобы разбудить в зрителе эмоции и через них пробиться к разуму. Пусть в зале кто-то задумается, глядя на моего Яго: «А я не такой ли? А если такой, надо немедленно с этим в себе бороться!» И наоборот: пусть зритель захочет быть похожим на хороших людей, сыгранных мной. Еще Маяковский заметил: важно, чтобы не по сцене ходили с идеями, а с идеями уходили из зала.

Сейчас среди актеров стало модным чураться постоянного амплуа. Мне понятно желание играть роли самые разные, но ведь нужен и трезвый взгляд на свои возможности. В старом театре артист, подвизавшийся, допустим, на ролях «простаков», читая новую пьесу, всегда знал: «Вот эта роль — моя!» Конечно, бывают режиссерские эксперименты, когда Гамлета играет актер, больше похожий, скажем, на Полония. Но я сейчас говорю о правилах, а не исключениях. Имея амплуа, артист может совершенствовать его от роли к роли, глубже изучать и изображать определенный человеческий тип. Понятие «амплуа» рождено не только театральной практикой. Оно пришло из жизни, а ныне подтверждается научной градацией внешних и внутренних качеств людей.

А с другой стороны, может быть, понятие «амплуа» уходит в прошлое? Одни зрители могут воспринимать моего героя как положительного. Другие отвернутся от него. Вообще, если раньше с положительным образом все было довольно просто — зритель, например, безоговорочно принимал героиню Любови Орловой, — то теперь однозначные персонажи появляются редко. Время движется, изменяется. Оно избирает героя. После войны на нашем экране это были симпатичные, бесшабашные парни в исполнении Николая Рыбникова. Затем Алексей Баталов создал образы молодого рабочего, но его персонажи уже тяготели к интеллектуальному восприятию мира. Позже Баталов и Смокуновский вывели на экран принципиально нового героя — интеллектуала, до конца отдающего себя делу, с глубокой жизненной позицией. Это предельно сложные характеры.

Усложнилась также личность самого исполнителя. Такие современные актеры, как Ефремов, Смокуновский, более молодые Олег Янковский, Леонид Филатов, — люди с очень объемным внутренним миром, поэтому сложны и глубоки их персонажи. Взять, к примеру, работу Олега Янковского в картине «Полеты во сне и наяву». С его героем поначалу вроде бы все ясно — человек с незаурядными способностями впустую пропрыгал жизнь, растратил ее ни на что. Но никто не будет отрицать, что этот персонаж в чем-то и симпатичен, умен, остер на язык. Так как же нам быть: любить его или презирать? Мы начинаем задумываться над неоднозначными проблемами бытия. И только потом вспоминаем, что на них натолкнул нас герой Янковского.

Сейчас порой бывает непросто ухватить сущность героя. Для того чтобы ее понять, необходимо думать и думать. У зрителя часто нет стремления подражать киномиру, но появляется другая тенденция, не менее важная — стремление к размышлению.

Мне приходилось играть людей разных профессий, но в роли раскрывается не специальность, а характер, хотя по отношению к труду можно понять сущность человека. В любое дело надо вкладывать сердце. Когда-то, в 50-е годы, в Москве на проспекте Маркса (тогда он назывался Охотный ряд) стоял миллионер-регуляторщик. Это был усадебный красавец двухметрового роста: он действовал своей миллионной палочкой, как цирковой маг, как дирижер. Со всех концов Москвы приезжали люди полюбоваться его работой. Помню и водителя троллейбуса, который не только объявлял остановки, но и весело, интересно рассказывал, что и когда в Москве построено, приезжим — где это находится... Или иду утром на работу, дворник приветливо здоровается со всеми жильцами, желает удачи на день. А ведь это не входит в его профессиональные обязанности. Зато это обязанность каждого человека любой профессии — делать жизнь другим лучше, легче. Тогда и твоя жизнь будет хорошеет от сознания, что ты нужен людям, необходим, незаменим.